

Пришел дядя Никола, портной-закройщик, главный советчик в семье. Дядя Никола настойчиво говорил:

— У тебя только одна дорога: ты пойдешь ко мне в ученики. Потом из тебя получится лучший портной в городе. Хаатит заниматься твоей мазней! Ты будешь есть не чужой, а свой хлеб. Не послушаешь меня — пропадешь зазря.

Но Рудольф не пошел к дяде Николе в ученики.

Отец Рудольфа, человек строгий, решительно заявил:

— Я не буду больше кормить тебя, ни одевать. Поступай как хочешь. Зарабатывай на хлеб сам.

Напрасно Ерванд Кочар посещал Хачатрянов-родителей и пророчил своему юному другу прекрасное будущее. Отец стоял на своем.

И подросток оставил родительский дом и свою комнатку в этом доме, и нанялся на стройку, и таскал туф, и камни были большие, тяжелой кирпича, а после работы опять работал: рисовал до ночи и за полночь и спал не больше четырех-пяти часов, утром едва продирались глаза, но приходилось спешить на стройку и снова таскать камни, и не было им конца.

Дружба с большим художником и работа на стройке были первой настоящей школой — художественной и жизненной — начинающего мастера рисунка.

Подобно многим молодым художникам нашего времени, Рудольф Хачатрян не устоял перед влиянием модернистских школ. Он был заворочен кубизмом. Он прошел через сюрреализм. Он был одержим так называемыми «формами в пространстве». Но преодолел их влияние. Силами на это его одарила любовь.

Он встретился со своей будущей женой. И когда задумал рисовать ее портрет, ему открылось, что ни кубизм, ни сюрреализм, ни формы в пространстве тут были ни к чему, и не только ни к чему, но и кощунственны. Он понял, что должен раствориться в своей модели, своей святыне, которой оказалась эта молодая женщина.

Так Рудольф Хачатрян возвратился к своему началу, но уже в новом качестве. Теперь, самоучка по существу, он владел рисунком в совершенстве. Проблемы внешнего и психологического сходства рисунка и модели для него больше не существовало, она была разрешена с поразительной легкостью и свободой. Линия пела у него под руками. Он родился вторично, снова возник как Адам на фреске Сикстинской капеллы. Рудольф Хачатрян проник в тайну духовности трехмерного мира. Он уже твердо знал, что жизнь Нике в скульптуре продолжилась в живописи Леонардо да Винчи.

Художник, боготворящий человеческий дух, умирает в законченной картине, чтобы воскреснуть в новой, только что начатой. Нужно потерять себя в природе, в модели, чтобы занять новую, высшую ступень в искусстве. Тот, кто потеряет себя, тот найдет себя.



Моко

Вот во что неколебимо верит Рудольф Хачатрян.

Каков его материал?

Порой это бумага и карандаш, серебряный, графитовый, чаще — большие доски, покрытые отшлифованным левкасом; тогда художник рисует сепией или сангиной.

Левкас поразительно расширяет возможности рисунка. Рисунок перестает выглядеть графикой в обычном смысле этого слова. Он становится трехмерным благодаря свойствам левкаса как светонесущей стихии. Это открытие Рудольфа Хачатряна, а произошло это открытие из идеи художника, ищущего новое приложение своего недюжинного дарования. Конечно, левкас существовал и до него, но так им до Рудольфа Хачатряна не пользовались. В его руках левкас приобрел новую для него сущность, новую систему выразительности. Он долго искал материал, присущий только ему, и наконец обрел его. И левкас зазвучал по-иному. Это и стало монохромной полифонией Рудольфа Хачатряна.

Он обряжает свои модели в причудливые одеяния, тюрбаны, шляпы. Это роднит Рудольфа Хачатряна с Рембрандтом, с живописцами Высокого Возрождения. Таков «Портрет жены»

(1973 г.), где мы видим ее на сносях в цветочном венке на голове и с цветами в руке, с приоткрытыми губами и взором, обращенным в глубину своей души. Таков «Портрет Джеммы» (1976 г.) — модель в широкополой шляпе, подвязанной шарфом. «Юдифь» (1976 г.) — тоже в фантастическом головном уборе. Или «Женщина в чалме» (1976 г.), или «Армянский сфинкс» (1978 г.). Тем не менее и здесь Рудольф Хачатрян совершенно самостоятелен, остроиндивидуален. Какого бы то ни было подражания обнаружить нельзя, сходство со старыми мастерами только внешнее.

Рисунок на левкасе Рудольфа Хачатряна — сепия или сангина, — монохромный по существу, производит неожиданное впечатление полихромности. Это происходит потому, что белоснежный левкас светится изнутри, свет мерцает, переливается между штрихами, играет чудесную роль — как бы уводит зрителя в пещеру, где Аладдин из «Тысячи и одной ночи» обрел многоцветные богатства. Каждый, кто видел работы Рудольфа Хачатряна, остро ощущал этот великолепный эффект, в том числе и я, в его московской мастерской.

(Окончание на IV стр. обложки)



Большой натюрморт

РАЗМЫШЛЕНИЯ

(Окончание. Начало на стр. 62.)

знании высокой духовной силы человека, по праву занявшего центральное место в мире. В этом основная сила выдающегося мастера, а не только в мощном диктате рисунка, которому так радостно подчиниться.

Особенно в больших по размерам картинах Рудольфа Хачатуряна, нарисованных по левкасу, проявляется мужская, мужественная природа его творчества. Он властно принуждает модель служить своему исповеданию искусства. Штрих за штрихом — он творит подвиг, к которому приучен всей своей многотрудной жизнью, и окружает модель светом воздушной среды, порождая белизну излюбленного материала.

Я был в мастерской художника, пересмотрел множество его произведений. Передо мной прошли чередой девушки и женщины, поражающие привлекательностью своего душевного строя, настойчиво требующего поклонения, герои-подвижники, закованные в броню исключительности и благородства.

Натюрморты Рудольфа Хачатуряна подробны до мельчайших деталей, будь это цветы, или рыбы, или головки лука. Так же как портреты, и это чудеса искусства. Изображенное здесь явилось из бытия предметов и явлений, окружающих нас, и потому, что они милы и нужны человеку, художник одаривает их таким благодарно пристальным вниманием, таким правдоподобием, такой исчерпывающей полнотой подробностей.

Творческий подвиг высокой человеческой души, как мы видим это на примере служения искусству Рудольфа Хачатуряна, гуманистичен по своей природе.

Художник верит, что на свете нет ничего могущественнее человеческого духа, драгоценнее хрупкой человеческой жизни и окрыленности самых светлых и высоких человеческих надежд.

Я не художник. Белизна левкаса... и все-таки не до конца понимаешь, какими же еще средствами этот эффект достигается. Здесь таится нечто чудесное.

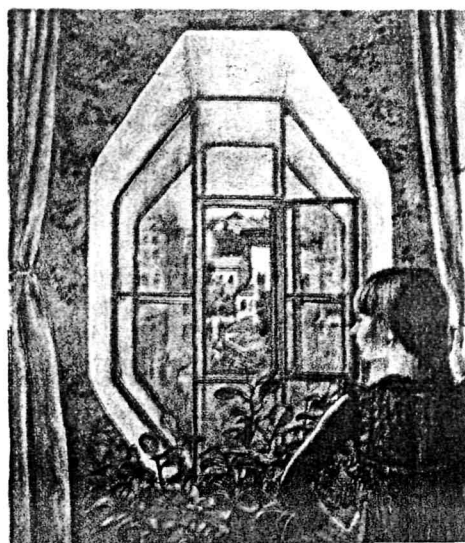
Если говорить о ранних работах художника, периода «до левкаса», рисунках на бумаге?.. Например, «Надя» (1973 г.). Тонкость и затаенная нежность целомудренного и безукоризненно точного карандаша одаряет зрителя благоговением перед образом чистой девической наготы.

Такие работы похожи на отражение природы в воде: это роднит их с женственной, серебристой, влажной стихией лермонтовского стихотворения, лермонтовской «Тамани».

Все работы Рудольфа Хачатуряна производят неизгладимое впечатление воплощенной красоты. Его преданность родной стране, родному народу щедро

выражена в портретах деятелей армянской культуры и тех, кого не без некоторой барственности иные называют «простыми людьми». Но как часто они оказываются натурами далеко не простыми, оказывается, «простых людей» на свете не существует. Хочется назвать пафос «графики» Рудольфа Хачатуряна героическим. Так изображали свои модели прославленные живописцы стародавних времен на фресках и полотнах, беспрепятственно проникнув в сущность их душ. Мне тоже, вслед художнику, хочется верить в героизм человека. Рудольф Хачатурян рисовал не только армян. Всех других он тоже героизировал, все на его портретах выглядят героинями легенд и рыцарями духа, коими в лучших своих образах и являются люди, стоит только повнимательней к ним присмотреться. Кредо Рудольфа Хачатуряна — в при-

У окна





Автопортрет

щееся дитя. В этом он угадал некий знак: его призвало искусство. В предвидении своего будущего он всерьез, увлеченно принялся рисовать с натуры.

Очень рано Рудольф Хачатрян был принят в художественное училище. Но тут у него проявилась дерзостная индивидуальность, он не терпел никакого принуждения, а в школе его заставляли заниматься рисованием по обычной школьной программе. В школе он учился недолго. Из школы его исключили.

Тогда, бродя на ереванских улицах, он принялся с поразительным сходством рисовать портреты встречаемых стариков и старух. Лица их привлекали его контрастом со своим, еще мальчишеским лицом — привлекали слезящимися глазами, морщинами и свойственным дряхлости выражением сосредоточенной печали.

Однажды за этим занятием его застиг живописец и скульптор Ерванд Кочар. Это был и мыслитель, и представитель армянской богемы, широко известный в народе, прозванный Маэстро. Иначе к нему никто и не обращался: «Маэстро! Маэстро!»

К тому времени Рудольфу Хачатряну исполнилось пятнадцать лет.

— Мой мальчик, — сказал Маэстро, — сегодня же вечером принеси мне свои рисунки. Моя мастерская вон за тем садиком.

Так с Рудольфом Хачатряном случилось то, что иногда происходит в добрых сказках.

Подросток и ереванская знаменитость подружились.

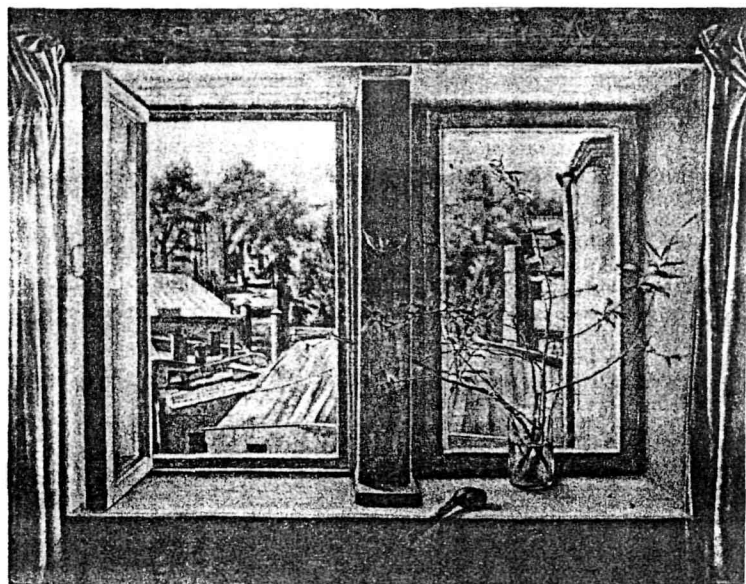
Когда Рудольфа изгнали из художественного училища, его родители решили, что он трудный ребенок, никудышный художник, без каких бы то ни было способностей, без будущего.

Арсений Тарковский

Размышления

Заслуженный художник Армянской ССР Рудольф Лорисович Хачатрян родился в 1937 году в Ереване в рядовой, небогатой семье, далекой от влияния каких бы то ни было искусств. Разве что мать будущего художника любила вышивать белыми нитками по белой ткани. Ему не исполнилось еще и пяти лет, когда он принялся рисовать для матери узоры.

Ребенком он умел видеть сны наяву. Однажды ему привиделось нечто светлое, прекрасное, но и столь ужасающее, что пришлось спрятаться с головой под одеяло. Звук чудовищной силы колебал пространство его комнатушки об одном маленьком окошке с наружной ставней. Этот звук был пронзителен и ярок, ослеплял глаза и был неотличим от пронзительного света. То, что увидел маленький Рудольф, и то, что он услышал, повторилось трижды. Рудольф, по его словам, закричал как рождаю-



Утро. Мастерская